

Клопоча от неукротимой ярости, Цинкуан, не раздумывая, пнул обеих служанок. Затем он сел на край кровати и с необычайной нежностью одел Мин Яна, укутал его одеялом и только после этого перевел взгляд на коленопреклоненных женщин.

— Что вы затеяли? — спросил он.

— Хозяин, рабыня... пху... — По-яо не успела закончить, как в груди у нее забурлило, и она изрыгнула полный рот крови. Чэнь Си постигла та же участь. Можно было только догадываться, насколько силен был гнев Цинкуана!

— Хозяин, пощадите! — Чэнь Си, не смея вытереть кровь с уголков губ, взмолилась: — Рабыня не хотела ничего плохого, я лишь пыталась проверить, правда ли господин потерял память!

Хлоп! Никто даже не успел заметить, как Цинкуан пришел в движение. В мгновение ока красивые лица По-яо и Чэнь Си распухли до неузнаваемости, а сам он сидел на краю кровати, словно даже не сдвинулся с места.

— С каких это пор вам позволено лезть в мои дела, м-м?

— Хозяин, прошу, умерьте гнев. Рабыни действовали сгоряча, молю, пощадите нас, — По-яо, понимая, что чем больше скажешь, тем больше будет ошибок, незаметно дернула Чэнь Си за рукав, давая понять, чтобы та перестала оправдываться, иначе им грозит только смерть.

— Сгоряча? М-м... — Цинкуан улыбался, но эта улыбка разительно отличалась от той, что он дарил Мин Яну. Сейчас для обеих женщин он выглядел как демон из преисподней, отчего их охватила дрожь. Мягко погладив Мин Яна по лбу, Цинкуан спокойным, ленивым тоном произнес: — А мне кажется, вы замыслили это давно. Говорите правду, чья это была идея?

Он прекрасно знал, что они не предадут его, именно поэтому не лишил их жизни на месте. Иначе... разве отделались бы они такими легкими ранениями?

За внешней невозмутимостью скрывалась кровавая угроза. Они поняли, что терпение хозяина на пределе. Было уже неважно, признаются они или нет — он и так все знал, иначе не вернулся бы так быстро. По-яо, как старшая служанка виллы Хуанфу, знала, что сейчас ей придется брать удар на себя.

— Хозяин, умоляю, умерьте гнев. Рабыни исполняли волю старой госпожи. Она сочла, что господин самозванец, и приказала нам проверить метки на его теле, чтобы удостовериться в его личности.

Старая госпожа была приемной матерью хозяина, и как они, служанки, могли ослушаться ее приказа? Они лишь следовали указаниям, иначе, даже если бы им одолжили храбрости у небес, они бы не посмели так обойтись с господином...

— И вы получили результат? — Его приемная мать обычно не вмешивалась в подобные дела, почему же она вдруг начала беспокоиться о Яне? Цинкуан слегка прищурился. В его сердце уже появился главный подозреваемый. Похоже, пришло время навести порядок среди праздного люда на вилле!

— ... — Женщины переглянулись, не зная, что ответить. В их положении любой ответ был ошибкой, отступать было некуда.

— Похоже, вы остались довольны полученным результатом.

Цинкуан, словно не замечая их молчания, продолжал с прежней нежностью смотреть на спящего. Его голос звучал мягко, как шепот небес:

— Передайте старой госпоже: я сам разберусь со своими делами. Пусть она не волнуется и лучше побережет собственное здоровье. А что касается чужих слов, ей лучше не впутываться в это, иначе...

В противном случае, пусть не винит его в бессердечии. Она должна знать: кто бы ни был замешан в деле, касающемся Мин Яна, исход уже предрешен. Он сам выступает в роли судьи, и чаша весов в его сердце уже давно склонилась в сторону Мин Яна. Никто, никогда — кто бы это ни был — не сможет встать выше него!

— Слушаемся, хозяин!

— В этот раз... я прощаю вас. Но в следующий раз вам не повезет. Запомните хорошенько, кто ваш настоящий хозяин. Иначе... вы даже не поймете, как умрете. Понимаете?

— Рабыни понимают, благодарим хозяина за то, что сохранил нам жизнь!

Слова Цинкуана, хоть и были произнесены тихо, вбивались в сердца служанок, словно удары молота. Ими двигало лишь минутное замешательство: старая госпожа услышала о потере памяти господином, а они сами не могли в это поверить. Иначе как бы их так легко обвели вокруг пальца? Услышав слова Цинкуана, они смутно догадывались о причинах происходящего, но они всего лишь слуги — как они могут судить о делах господ? Им оставалось лишь взять всю вину на себя.

— Не меня благодарите, а своего господина! Если бы не он, вы бы... хм... — Если бы не Мин Ян, разве позволил бы он остаться в живых тем, кто его предал? Но возлюбленный потерял память, а из всех людей он помнил только троих, находящихся в этой комнате. Если бы служанки внезапно исчезли, Мин Ян мог бы забеспокоиться или даже возненавидеть его. Сейчас Мин Яну нельзя было подвергаться потрясениям, а Цинкуан не мог допустить, чтобы с ним вновь что-то случилось!

— Слушаемся, рабыни навсегда запомнят милость господина и впредь будут защищать его ценой собственной жизни. Просим хозяина не беспокоиться!

По-яо и Чэнь Си прекрасно понимали, почему Цинкуан их пощадил. Больше всего они были обязаны жизнью Мин Яну. Если бы не он, при методах Цинкуана никто бы не нашел их тел даже спустя сто лет. К тому же, они давно подписали контракт на продажу себя в рабство — их жизнь и смерть находились в чужих руках, и каждый прожитый день был для них подарком судьбы.

— Ступайте.

Цинкуан махнул им рукой. Сейчас он хотел лишь одного — остаться с Мин Яном наедине. Когда женщины ушли, он наконец дал волю чувствам. Не раздеваясь, он лег рядом и обнял Мин Яна, бормоча:

— Ян, ничего страшного. Даже если ты забыл все свое прошлое, я все равно буду любить тебя. Даже если ты не вспомнишь ничего до конца своих дней, я буду баловать тебя. Я лишь хочу, чтобы ты полюбил меня вновь. Я клянусь: больше не позволю причинить тебе вред — ни мне самому, ни кому-либо другому. Полюби меня еще раз, хорошо?

Сквозь легкий морозящий дождь, гонимый ветром, проступала едва уловимая холодность, проникавшая мне в самое сердце. В этой туманной дымке медленно приближался человек. Я смотрел на мужчину в черных одеждах, не фокусируя взгляд. Чувства, отражавшиеся в его глазах, я не мог вынести; боль, пронзавшая его взор, была мне непонятна; я не знал ничего, что касалось его... Как мне идти по этой дороге дальше? Мне так страшно...

День за днем в пустоте, страх становился все сильнее. Я чувствовал, что мои силы на исходе, и не знал, сколько еще смогу продержаться. Мне казалось, что я здесь чужой, я не ощущал никаких эмоций, словно в любой момент мог просто исчезнуть. Мне не с кем было поделиться вопросами, терзавшими душу, не с кем разделить печаль, залегшую между бровей...

— Мин Ян, стало холодно, почему ты не накинул еще одежды? — В его словах слышался упрек, но он не мог скрыть глубокой заботы. Цинкуан принес тяжелую накидку из собольего меха и нежно укутал меня.

— Спасибо, мне не холодно, — я невозмутимо отступил на несколько шагов. Его доброта заставляла меня чувствовать себя должником, словно я краду то, что должно принадлежать кому-то другому.

В его глазах мелькнула боль. Цинкуан чувствовал себя измученным и опустошенным. Как все дошло до такого? Неужели это конец? Глубоко задетый моим поведением, он не стал слушать оправданий, шагнул вперед и схватил меня. В его голосе, полном боли, звучало подавленное

отчаяние:

— Ян, разве ты не чувствуешь моего сердца? Неужели у тебя совсем ничего нет внутри? Неужели... ты действительно не хочешь вспомнить все, что было между нами?

— Прости, я... м-м...

— ... — За эти дни Цинкуан выслушал от меня слишком много извинений. Он больше не хотел их слышать, он больше не мог этого выносить. В ярости он прервал мои слова. Постоянные отказы и мой остекленевший взгляд сводили его с ума, а мое недавнее необъяснимое сопротивление разожгло его гнев еще сильнее. Не раздумывая, он накрыл мои губы своими, о которых мечтал уже много дней. Не обращая внимания на мои попытки вырваться и оттолкнуть его, Цинкуан достиг предела. Он боялся, что если не выплеснет эти эмоции сейчас, то в порыве страсти может причинить мне боль. Прошло немало времени, прежде чем он отстранился, оставив мои губы распухшими, нежно поцеловал меня в лоб и произнес:

— Мне не нужны твои извинения, мне нужно, чтобы ты любил меня!

— Нет, — я коснулся губ, которые он только что целовал, и, слушая его пылкие признания, не мог удержаться и пятился назад. Как он мог...

— Почему нет? Я люблю тебя, и ты любишь меня. — Он больше не мог ждать, пока я вспомню все сам. Его время истекало, и он во что бы то ни стало хотел снова разжечь пламя любви между нами.

— Я не люблю тебя, я не люблю тебя, — я твердил это без остановки, словно надеясь, что слова смогут погасить пожар в его глазах. Его взгляд был слишком жадным, его желание слишком явным. Мне не нужна была его любовь, и я не хотел любить его в ответ...

— Нет, ты любишь меня, ты любишь меня. — Это было единственное, в чем он не мог уступить. Если между ними не будет любви, то не останется ничего.

— Нет, не подходи ко мне, — глядя на его решительный взгляд, я пятился назад каждый раз, когда он делал шаг навстречу. Так продолжалось, пока я не уперся в кровать и не повалился на нее. В ужасе глядя на его высокую фигуру, нависшую надо мной, я не выдержал и закричал: — Я забыл! Я ничего не помню! Ты можешь давить на меня сколько угодно, но это не поможет! Оставь меня в покое, прошу!

— Нет, — он отверг мою мольбу, не задумываясь. Эта сцена была такой знакомой — когда-то в прошлом они уже проходили через подобную погоню.

— Почему? — прошептал я.

Как же он упрям! Я ведь забыл его, но он продолжает так настойчиво требовать... Однако, нельзя было отрицать, что его упрямство вызывало в глубине моей души трепет. Но то, что последовало дальше, уже выходило из-под моего контроля, или, вернее сказать, я никогда и не контролировал происходящее...— Почему? Я тоже хочу знать почему, почему я просто не могу отпустить тебя, почему ты так нужен мне, почему ты должен был забыть меня?

В его глазах плескалось жгучее желание, он с нежностью смотрел на Мин Яна. Ощущение, что тебя забыли, причиняло невыносимую боль, особенно когда забыл самый любимый человек. Он действительно больше не мог выносить такие муки. В его глазах мелькнул огонёк, и на губах заиграла до боли нежная улыбка:

— Никаких почему. Чувства между нами и так словно неразгаданная тайна. Кроме меня, ты больше никого не сможешь полюбить, кроме меня, ты не найдёшь того, кто любил бы тебя так же сильно. Поэтому...

— Хсс...

— Не надо, отпусти меня!

Удерживая меня, он со злостью сорвал с меня одежду и тут же быстро скинул свою. Осознав, что сейчас произойдет, я стал отбиваться ногами, даже не раздумывая. Чувство обиды и унижения мгновенно захлестнули мой разум. Как он мог так со мной поступить?

— Ты не можешь так со мной поступать! Отпусти меня, ты мне противен, я ненавижу тебя...

До его слуха доносились плач и крики Мин Яна, но он не хотел останавливаться и уже не мог остановиться. Если заставить Мин Яна вспомнить его можно было только таким способом, он готов был рискнуть. Не обращая внимания на сопротивление, он прижал его к себе и прошептал низким, чарующим, соблазняющим голосом:

— Ян, не бойся!

— Нет, не надо, отпусти меня!

Страх заполнил моё сердце, слёзы градом катились по щекам. Мне не нравился он такой, это было слишком жутко, слишком страшно. Я отчаянно рвался прочь, не понимая, что своими движениями лишь сильнее разжигаю в нём страсть...

— Не отпущу, я никогда в жизни тебя не отпущу!

Едва договорив, Цинкуан, не обращая внимания на его сопротивление, яростно впился в его губы, а большие руки заскользили по телу Мин Яна...

Прижавшись к телу Мин Яна, он погрузился в жаркую, тягучую ласку. Несмолкаемое щебетание птиц и стрекот цикад за окном, лёгкий моросящий дождь — ничто не могло заглушить страсть двух людей в комнате. Наоборот, всё это слилось в идеальный аккомпанемент, создавая лучшую природную мелодию для их сплетения...

Дорогие, прошу прощения, последние несколько дней Ман болела, поэтому никак не могла появиться. Сегодня наконец полегчало, и Ман даже выложила две главы. Обязательно восполню все прежние пробелы как можно скорее. Спасибо, дорогие, за поддержку!

Как всё могло пойти так? С потухшим взглядом я смотрел на него, не зная, что делать.

Слёзы пропитали мои глаза и остудили моё сердце. Как он мог... как он мог...

Беззвучные слёзы Мин Яна отрезвили обезумевшего Цинкуана, и он с трепетной нежностью привлёк его к груди. Испытывал ли он угрызения совести? Определенно да. Жалел ли он, что взял его сегодня? Определенно нет. Его сердце разрывалось от слёз Мин Яна, но на душе скребли еще более горькие кошки. Он не мог допустить, чтобы кто-то увел у него Мин Яна — даже если этим кем-то был его собственный родной брат!

В нынешней ситуации у него не оставалось иного выбора, кроме как удерживать его таким способом. Если сделать так, чтобы в ближайшие дни он не смог встать с постели, это позволит надолго оставить Мин Яна рядом. Только так Мин Яна не смогут забрать, только так у него появится шанс заставить Мин Яна вспомнить их прошлое...

Его лицо внезапно резко приблизилось, до смерти меня испугав. Я невольно вжался в одеяло, отпрянув назад, но он не дал мне возможности отступить. В ужасе глядя на него, я подумал: что он собирается делать? Неужели...

В следующий момент он не оставил мне времени на раздумья и отказ — вновь, применив своё мастерство, он утянул меня в водоворот вожделения, лишив способности контролировать себя...

Следующие несколько дней слились в сплошной туман, и я даже не понимал, как пережил их. Казалось, я превратился в бездушную куклу, отданную на волю его желаний. Сменяли друг друга унылые рассветы и закаты, а в нём, казалось, таилась неисчерпаемая, бесконечная энергия. Как бы я ни сопротивлялся, как бы ни умолял, он упорно не хотел меня отпускать...

Моё сердце умерло. Я позволял ему делать всё, что заблагорассудится: не сопротивлялся, не умолял, лишь закрывал глаза, чтобы не видеть этого демона. Я ненавидел его, по-настоящему ненавидел... Он говорил, что любит меня, и вот так он меня любит? Разве после этого я мог верить ему? Разве мог попытаться вспомнить? Он был сущим исчадием ада. Пусть творит что хочет, мне было уже всё равно...

Слёзы высохли. Я больше не пытался искать обрывки прежних воспоминаний, пусть всё, абсолютно всё унесёт попутным ветром. Возможно, потеря памяти была не так уж плоха — по крайней мере... я мог стать совершенно другим человеком, больше не связанным ничьими оковами, не зависящим от чужих настроений и не обременённым никакими заботами!

— Ян, прости, я не могу потерять тебя, не уходи от меня!

В голове Цинкуана царил полный хаос. Стоило зайти делу о Мин Яне, большому или малому, как он терял всякое самообладание, напрочь забывая о присущих ему хладнокровии и решительности. Все аналитические способности улетучивались, в мыслях оставалось лишь одно-единственное наваждение: он ни за что не позволит Яну уйти!

Видя, что Мин Ян закрыл глаза и отказывается на него смотреть, Цинкуан понимал, что причинил ему боль. Но... он и сам не хотел, чтобы всё зашло так далеко, ему тоже было тяжело. Забытым самым любимым человеком — разве можно было тут оставаться хладнокровным!

Дни молчания вовсе не означали, что он действительно трезво взглянул на проблему потери памяти Мин Яном. Напротив, это лишь сильнее распяло его безумие. Все скрываемые в сердце слова вырвались наружу в тот самый момент, когда Мин Ян выказал к нему столь странное сопротивление. Глядя на притворившегося спящим человека, он знал: сейчас Мин Ян

наверняка люто его ненавидит, и в будущем этот страх перед ним лишь усилится. Но... завтра должен был прийти Хэй Минсе, глава Хэймин и старший брат Мин Яна. У него были все основания полагать, что Хэй Минсе уже узнал о потере памяти Мин Яна, и этот визит наверняка преследовал лишь одну цель — увести Мин Яна!

— Ян, можешь ненавидеть меня, можешь бить, но умоляю, не веди себя так, ладно?

Безмолвие Мин Яна сводило Цинкуана с ума ещё сильнее. Он крепко обнял его, непрерывно моля о прощении:

— Я знаю, что ранил тебя, знаю, что причинил тебе боль... но... открой глаза, посмотри на меня, хорошо? Я правда, правда безумно люблю тебя. Прости, я...

Слов извинения было сказано слишком много, и теперь он совершенно не знал, что говорить и как поступать. В этот момент любое его действие было бы ошибкой, любое слово — фальшью!

Как я мог слушать его извинения? После того как он так со мной обошелся, он ещё смеет надеяться на моё прощение?

Я ненавидел его, я злился на него, но... ещё больше я злился на самого себя. Почему даже после такого обращения с его стороны я испытывал удовольствие? Почему перед лицом его насилия моё тело всё равно отзывалось и даже приняло его целиком? Ненавидя его, я ненавидел себя ещё сильнее... Почему я реагировал на его соблазны и даже находил их до боли знакомыми? Пусть в прошлом нас действительно что-то связывало, пусть между нами и правда что-то было, но... как он мог поступить со мной так именно сейчас? Все его слова о любви — сплошная ложь. Кроме боли, что в нём было такого, ради чего мне стоило бы возвращать прежние воспоминания? Не хочу, я больше не хочу об этом думать!

Покорно прильнув к его груди, позволяя пальцам перебирать мои волосы, я больше не смел сопротивляться или брыкаться, боясь навлечь на себя бесконечные наказания. Раз уж он так боится моего ухода, значит, я обязательно должен сбежать! Находясь рядом с ним, я испытывал лишь животный страх.

Только... кто же сможет забрать меня от него? Кто осмелится бросить вызов этому демону и согласится увести меня? А у меня ведь нет прежних воспоминаний, я никого не знаю. Кто здесь хороший человек, а кто злодей — понятия не имею. Как же мне понять, искренни намерения другого человека или фальшивы? Второй том. Сон о возвращении в тысячеликую даль. Глава 11. Ничего не поделаешь

Наконец-то этот ад закончился. В то утро он поднялся спозаранку и куда-то ушёл. Приказав никому не сметь тревожить меня и запретив мне покидать комнату, он говорил таким тоном, будто готовился отразить нападение грозного врага, что на мгновение меня удивило. По идее, он не должен был вести себя подобным образом. Чего же он боялся на самом деле?

Помотав головой, я отогнал все мысли о нём. После того как он со мной обошелся, разве мог я испытывать к нему хоть капельку симпатии? Каким бы человеком он ни был и чего бы ни боялся — всё это меня не касается. Я должен отсюда убраться, я должен сбежать от него!

Не обращая внимания на ломоту во всем теле, я с трудом поднялся с постели и распахнул шкаф, намереваясь достать какую-нибудь одежду. Но стоило мне почувствовать запах, витавший в комнате и исходящий от моего собственного тела, как волна унижения вновь накрыла меня с головой. Накинув на плечи первую попавшуюся вещь, я негромко произнёс:

— Я хочу искупаться!

Голос был тихим, но я верил, что стоящие за дверью стражницы непременно услышат. Им ведь наверняка приказали следить за каждым моим шагом, а раз так, они просто обязаны были смотреть в оба и ловить малейший шорох!

— Слушаемся, молодой господин!

В мгновение ока По-яо и остальные принесли большую баю, сразу же наполнив её горячей водой, и тут же удалились. Такая поспешность не позволила мне даже задать вертевшийся на языке вопрос. Эта мысль тотчас омночила мне настроение: похоже... здесь не было ни единого человека, который искренне ко мне бы относился.

Лёжа в деревянной бадье, я чувствовал, как горячая вода согревает моё тело, постепенно выгоняя накопившуюся усталость. Среди поднимавшихся клубов пара мне вдруг показалось, будто я вижу какой-то другой мир... Кто этот человек, мирно спящий на кровати? И почему он так похож на меня? Он спал настолько безмятежно, что мне даже стало жалко нарушать этот покой...

— Молодой господин, вы в порядке?

Не слыша голоса Мин Яна уже долгое время, По-яо обеспокоилась, что ему могло стать плохо в воде, и не преминула встревоженно окликнуть его.

— А...

Как это я заснул? Потерев глаза, я огляделся вокруг: от какого-либо двойника не осталось и следа. Похоже, опять приснилось. Вода уже остыла. Выбравшись из бадьи, я тихо промолвил:

— Я в порядке.

— Вот и славно.

Чэнь Си и По-яо облегчённо выдохнули, переглянувшись. Сейчас было крайне важно не допустить никаких оплошностей, иначе им двоим не сносить головы. Если молодой господин исчезнет или куда-то вырвется, они попросту не посмеют встретить всепоглощающий гнев Цинкуана!

<http://bllate.org/book/21153/2144354>